

СЕРГЕЙ СУРИН

Английский футбол

ВСЯ ИСТОРИЯ В ОДНОЙ КНИГЕ
ЛЮДИ • ФАКТЫ • ЛЕГЕНДЫ

Сергей Владимирович Сурин
Английский футбол. Вся
история в одной книге.
Люди. Факты. Легенды
Серия «Звезда футбола»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34708920

Английский футбол. Вся история в одной книге. Факты. Люди.

Легенды: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-107868-3

Аннотация

С этой удивительной книгой читатель переживет историю футбола – так, как он переживал бы историю своего рода. Ведь если футбол по-настоящему проникает в душу, он становится неотъемлемой частью личного бытия, еще одной скрытой религией Земли – и книга в том числе и об этом. В книге футбол рождается – в муках и криках, проходит через беззаботное детство, получает профессиональный статус, идет на войну, мужает, восстает, реформируется и становится, наконец, таким, каким мы видим его сегодня. Даже искушенный знаток откроет много нового для себя: узнает о первопроходцах – апостолах игры, о забытых гениях, об истории правил, о судьбе великих

футбольных тренеров и о становлении знаменитых английских клубных брендов, и даже о дьявольском проникновении денег в олимпийское движение. Книга основательно пропитана юмором и иронией, и читателю совсем не страшно оказываться то на жестких поминальных играх под стенами Трои, то перед средневековым эшафотом, где Генрих VIII ликвидирует очередную не оправдавшую доверие супругу, то на грандиозном стадионе в Риме, где народ приветствует сидящего в профиль Муссолини... Футболу более 150 лет – и так же, как взрослый человек не похож на себя в детстве, так и футбол изменился до неузнаваемости. Каким он был, каким он стал, что приобретено, а что безвозвратно упущено – в уникальной книге Сергея Сурина.

Содержание

Пролог: футбол как религия	6
Часть первая. «Зарождение английского футбола. Первые 50 лет»	8
Глава I. Появление британского футбола	8
1.1 Дорога к Рождеству	8
1.2. Апостол Морли	13
1.3 Апостол Чарльз Олкок	21
1.4 Футбол учится быть	27
1.5. Апостол Киннэрд	31
1.6. Апостол Мариндин	42
1.7. Футбольная лихорадка	51
1.8. Апостол Саделл	57
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Сурин
Английский футбол. Вся
история в одной книге.
Люди. Факты. Легенды

© Сурин С.

© ООО «Издательство АСТ»

Пролог: футбол как религия

И предлагали ему личное бессмертие – живи сколько заблагорассудится, хоть вечно, если не надоест.

Хочешь все блага мира? – бери, они твои. Все, что справа – твое. И все, что слева – твое тоже.

Только отдай твою эмоцию, твоё волнение и разочарование, твою безбрежную радость и душевный подъем, твои слезы и горькое отчаяние. Земля – единственное место, где остались эмоции. Камни и звездная пыль – не переживают.

– Но если я отдам свои эмоции, – отвечал болельщик, – как я буду смотреть футбол? А если мне не болеть за любимую команду, то к чему бессмертие с благами? Зачем камню камни?

И предлагали ему, – поскольку было не сговориться, – чтобы любимая команда выигрывала в каждом матче. Вам же нужна одна победа? Ее и получите – в порядке вещей, без сбоев.

– Но разве может сердце постоянно биться в упоенье? – вновь возражал болельщик (а дело было на краю Вселенной), – и если превратится вдруг восторг в привычку – мы перестанем ожидать ближайший матч, как ждет любовник молодой минуты верного свидания. Оставьте все как есть: нам интересно.

И отступились от него.

И удивлялись: что ж за игра такая, что больше жизни и интересней смерти.

Часть первая. «Зарождение английского футбола. Первые 50 лет»

Глава I. Появление британского футбола

1.1 Дорога к Рождеству

Никто и не говорит, что игрой в мяч ногами в Средневековье увлекались только в Британии. В футбол играли везде – был бы мяч, в крайнем случае – круглый овощ, а ноги – они же всегда с игроком. Но узаконить игру, договориться о терминах и единых правилах – это Англия сумела первой, что, конечно же, неудивительно – ведь и другие правила здесь установили раньше других: Великую хартию вольностей (*Magna Carta*), ограничивающую власть короля, приняли в Англии в 1215 году, а через полвека на острове туманов и дождей уже заседал парламент.

Неудивительно, что не соблюдавшую правил «fair play» королеву, которая ввела в моду белое подвенечное платье

вместо привычного красного, а для выхода на эшафот, наоборот, заказала себе алое, да еще и с алыми перчатками, представ в последний раз перед изумленным народом в цветах Красных Дьяволов, пушкарей и мерсисайдцев, – впервые удалят с жизненного поля именно в Англии. Палач поднимет отрубленную голову Марии Стюарт, а она сорвется – в руках палача останется парик – и покатится, ровно как мяч, к восторженной зрительской аудитории – предкам нынешних болельщиков. Английский народ любил смотреть казни своих монархов, замирая так, как теперь – при пробитии одиннадцатиметровых ударов. Размах, удар и – голова вчерашнего абсолютного до вседозволенности монарха летит к краю эшафота, а публика взрывается аплодисментами, обнимается, радуется! Тот же гол в принципе.

Но еще больше на этом острове любили играть в «мяч при помощи ног». Жители деревень и городов, разделившись на две команды – причем численность каждой могла доходить до пятисот человек – издревле собирались на центральной площади, чтобы допинать мяч до городских ворот. Веселая игра сопровождалась сметанием торговых прилавков с обилием силовых и военно-прикладных приемов, а наличие у игроков холодного оружия естественным образом приводило к смертельным исходам. Цель зрелищно оправдывала средства, – играли страстно, проходных матчей не бывало!..

Английские короли периодически пытались забанить эту

популярную национальную забаву: Эдуард II – из-за шума: он же был романтиком, а романтикам, как и творческим работникам, нужна тишина, – великого же полководца Эдуарда III и отрекшегося от престола Ричарда II раздражало то, что граждане великой Англии – вместо напряженной работы на приусадебных участках и упражнений в стрельбе из лука – без толку гоняют мяч и калечат своих же граждан, а не манерных французов и разных прочих немцев. Какая польза от этого королевству? – один запрет сменить другой спешил, но англичане все равно играли...

Во времена буржуазной революции, – когда с жизненно поля удалили посредством казни очередного нарушившего правила монарха, а сами правила стали прописывать пуритане – серьезные люди с завышенным уровнем строгости, – были запрещены все представления и игры. Мячи сжигались, театры разрушались, даже шекспировский «Глобус» не уцелел. Всё под бульдозер.

– И нечего обжираться в Рождество! – объявил Оливер Кромвель, и его верные солдаты шли в рождественские вечера по Лондону отнимать у граждан приготовленных в жаровнях гусей. В другие дни воины строго следили за тем, чтобы на женских лицах не было косметики, и пороли мальчишек за то, что те, как бы это ни запрещалось – умудрялись играть по воскресеньям в футбол.

Казалось – все, доигрались. Установлен окончательный порядок, и меряться отныне будем только дисциплиной!

Но власть сменилась, и генеральная линия сделала привычный разворот, от чего голова у британца стремительно шла кругом: казалось, стабильности в мире не было. Но нет, – стабильное и постоянное в Британии существовало всегда: смелые и упрямые граждане, несмотря ни на какие указы и запреты, продолжали гонять мяч по площадям и переулкам, передавая свое пристрастие от поколения к поколению, вырабатывая особый генетический код, в котором прописана любовь к футболу. И эта любовь стала здесь, на острове, главным признаком натуральной ориентации: англичанин может поменять место жительства, жену, работу, партию, но только не любимую футбольную команду – с ней он обрuchается на небесах: однажды и навсегда.

Через четверть века после смерти Оливера Кромвеля (*мертвое тело которого, по приказу вызванного для восстановления традиции очередного монарха, сначала повесили, а потом разрезали на четыре неравные части, – и это было вполне зрелищно*) соотечественник Денниса Бергкампа Вильгельм Оранский аж Третий, правивший вместе со своей супругой Марией Стюарт Второй (*имен катастрофически не хватало*), – которая родилась не такой красивой, как Первая, обезглавленная, но уж точно более счастливой, – отменил все запреты на игры.

И понеслись опять мячи по улицам и площадям Британии.

Ну а когда на сцену истории вышел век девятнадцатый,

железный, то футбол в Англии принял уже характер массового народного танца. Танцевали с мячом все – с перерывом на Ватерлоо и Крымскую кампанию, только вот по-прежнему по разным правилам. В каждом городке, в каждом университете был свой размер поля и свой диаметр мяча. Где-то можно было пасовать руками, а где-то лишь останавливать мяч рукой. Прямо перед игрой договаривались – бить или не бить сегодня ногами по голени, толкать ли руками каждого вышедшего на поле или только владеющего мячом. Когда договоры заходили в тупик, соглашались на компромиссы – в первом тайме бьем по голени, но толкаем только владеющего мячом; во втором – бережем голени, зато уж толкаем всех...

Вряд ли это было очень удобно, и вскоре в Кембридже накануне европейской «весны народов» – когда люди попытались в очередной раз отречься от старого мира – выходят первые своды правил. Англичане настолько углубились в изучение вышедших документов, что упустили момент для либерального восстания. До того ль, голубчик было, – если через девять лет в промышленном городе Шеффилде появляется первый в мире футбольный клуб, а еще через пять лет, накануне Рождества, футболисты из Шеффилда разрождаются кодексом собственных нормативных актов игры в мяч ногами. Но что ты будешь делать – кипел возмущенный английский разум: опять нестыковки и несогласованность! В шеффилдских правилах, например, впервые строго огова-

ривалось количество играющих в мяч на поле: одиннадцать наших на одиннадцать ваших, но в других уставах команды могли выпускать по 14 парней и больше, – газона хватит на всех, зачем же урезать права джентльменов?..

И как тут быть? Что делать? На кого рассчитывать?

Футбол пробуксовывал, задыхался без единообразия. Верхи уже не могли управлять игрой, низы не хотели играть, как прежде.

И наконец...

1.2. Апостол Морли

Первый Вселенский Футбольный Собор стал следствием простой гражданской инициативы Эбенезера Морли, адвоката, мирового судьи и спортсмена.

Эбенезер Кобб Морли родился в Халле в 1831 году, когда Майкл Фарадей, сын кузнеца, продемонстрировал миру первую динамо-машину. Пройдет полвека, и в домах, согласно закону об электромагнитной индукции, зажгутся первые электрические лампочки, а на футбольных стадионах, согласно утвержденным правилам, будут играть в футбол.

Выучившись, как и Ленин, на юриста, Морли по совету друзей поехал работать в шумный, грязный Лондон, где в свободное от монотонной юридической практики время, занимался академической греблей – это хорошо освежает и восстанавливает любовь к жизни. Но как-то раз, узнав из пе-

риодической печати, что в Барнсли, – а это от Лондона хорошо на север, – и река подлиннее, чем в Халле, и в целом поспокойнее, чем в столице империи, Морли покидает шумный и высокомерный столичный край.

Словно какая-то неведомая сила вела юриста Эбenezера к выполнению великой миссии. Подумать только – уехать из столицы мира, где можно сделать головокружительную карьеру и всласть тусоваться в самых модных заведениях Европы... Немыслимо!

Но факт остается фактом: Морли обосновывается в скромном Барнсли. И проплывая как-то раз на байдарке в неосвоенном микрорайоне, Морли видит, как на берегу речки Дирн, в местной скромной деревушке, пацаны рубятся в какую-то странную игру, азартно гоняя мяч ногами, активно помогая себе руками и неистово толкаясь. И столько во всем этом было страсти, радости и энтузиазма, что Морли резко затормозил веслом, едва не перевернувшись.

Но именно этот частный эпизод из жизни простого английского адвоката перевернул всю историю человечества.

Немедленно сойдя на берег, Морли сразу же попытался определить права и обязанности сторон, участвующих в игровом процессе на лужайке (*юрист – он и в свободное от работы время – юрист*). Остановил игру, приготовился записывать правила. Каково же было удивление юриста, когда оказалось, что каждый игравший действовал по своим собственным понятиям. В командах было разное количество иг-

роков, а вместо штанг студенты-выпускники по сложившейся традиции использовали учащихся младших курсов. Никакого единого кодекса, никаких законов. Полный юридический беспредел с элементами дедовщины. Законопослушному человеку опереться было абсолютно не на что.

Так дело, а Морли был человеком деловым, оставлять было нельзя.

За 12 лет до рождения Владимира Ульянова, впоследствии Ленина, Морли решает идти другим путем и оперативно формирует футбольный клуб «Барнсли», в который из всех окрестных сел слетаются рабочие, служащие, студенты и старшеклассники. Дело за малым – привести многочисленные имевшиеся понятия к единому юридическому знаменателю. Но вот ведь загвоздка: как потом играть с командами других регионов, у которых и понятия свои, и знаменатели другие? Каждый раз перед матчем приходилось договариваться о единых правилах хотя бы на тайм. Пока договаривались – темнело, и на игру времени практически уже не оставалось.

Что делать? – вопрошает Эбенезер Кобб Морли и, решительно осознав необходимость всеанглийской стрелки для унификации правил (*первого Вселенского Футбольного Собора*), пишет в октябре 1863 года историческое письмо в спортивную газету «Беллз Лайф». Пишет о том, что так, как раньше, жить уже нельзя: промедление смерти подобно. Мы рождены, чтобы хаос на поле сделать любимой игрой мил-

лионов. Надо отречься от старого мира, собраться в Лондоне и определить единый свод правил для игры в футбол, тем более что для крикета подобный документ уже существует, стыдно сказать, с 1788 года. А чем мы, пинающие мяч ногами, хуже неконтактных гламурных крикетистов?

Морли действовал на редкость энергично – недаром он родился в тот год, когда сын кузнеца Фарадей обнаружил электромагнитную индукцию. И из искры возгорелось пламя!

Еще не было ни Интернета, ни мобильной связи (*что представить себе сегодня можно только изрядным напряжением мозга*), но англичане в любую погоду читали газеты и прекрасно связывались между собой: вечером в понедельник 26 октября 1863 года в лондонской таверне «Вольные каменщики» собрались представители клубов столичного региона, а также наблюдатели из Шеффилда (*где шесть лет назад был создан первый футбольный клуб*).

Сделаем остановку в нашем повествовании, чтобы уделить особое внимание тому, что произошло. Мы привыкли, что важнейшие события в жизни страны (*а тем более мира*) связаны с действиями президентов или премьер-министров. Члены правительства тоже способны на нечто запоминающееся, ну и депутаты различных уровней с удовольствием заполняют событийный вакуум... В этом же случае судьбоносное событие произошло по инициативе нормального (*обыкновенного*) человека. Простой человек за свои неболь-

шие деньги помещает объявление в газете, причем – не пишет в объявлении ничего экстравагантного, сенсационного, притягательно-медийного. И тем не менее цена этого текста в миллион раз дороже многих указов президентов, постановлений министров и заявлений политиков.

Итак, еще раз: Морли никто не просил печатать объявление. За этим не стояла ни одна из действующих на то время политических партий. Королева Виктория была не в курсе. Никто не боролся за избирателя и повышение рейтинга. Не производился расчет возможной прибыли и не обсуждались рычаги влияния. Просто – инициатива, зов сердца гражданина. Оказывается, так тоже можно.

Первый Вселенский Футбольный Собор начался. Проект правил, состоявший из 23 пунктов, подготовил и представил на рассмотрение собрания Эбенезер Морли. Среди самого любопытного (*с точки зрения смотрящего из XXI века*) было то, что игроку разрешалось бежать с мячом в руках, если он перехватил передачу соперника. Игрока разрешалось атаковать, держать руками, вырывать мяч, если он у него в руках. Можно было делать подножки и бить ногами в голень. Нельзя было только одновременно держать соперника руками и бить в голень: сначала отпусти, а потом уже бей. Либо наоборот – сначала ударь, потом держи.

Начались дебаты. Против бойцовских пунктов проекта стройными рядами выступили представители Кембриджа – там все-таки был университет, где иногда вспоминали о люб-

ви к ближнему.

Профессиональный юрист обязан мгновенно реагировать на изменения, возникающие в ходе слушаний, — именно это и сделал Морли. Он внимательно рассмотрел делегатов, — а это были почтенные джентльмены при бородах и тросточках, с трубками, с котелками или цилиндрами — и принял сторону Кембриджа: бойцовская рубка на поле должна остаться в прошлом. Нельзя, сделав шаг вперед, делать два шага назад, — прежде, чем объединиться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться с регби!

Морли разворачивает лодку, не зря же он был гребцом.

Итак: скажем твердое «Нет!» ударам по голени и пробежкам с мячом! — бьем ногами исключительно в мяч.

Дебаты были жаркими и длились в течение пяти недель и пяти собраний. Как это, убрать удары по голени? — возмущался джентльмен Кэмпбелл из Блэкхета, — за что боролись? Наши предки сотни лет выходили на поле, чтобы расчистить дорогу к воротам, ломая голени сопернику, и не боялись сами остаться без ног. А вы нас троллите гуманизмом? Если вы уберете из правил неотъемлемое право англичанина бить соперника по ногам, то я привезу в Англию тысячу манерных французов, которые за неделю выучат ваши мягкотелые правила и будут легко утирать вам нос на футбольном поле! Вы этого хотите? Одумайтесь! *(кстати, не пройдет и 130 лет, как через Ла-Манш на Британский остров высадится*

не очень манерный, но вполне себе француз, Эрик Кантона, который, да, частенько обыгрывал удивленных англичан; за ним следующим десантом подтянется и Тьерри Анри, который уже совсем легко обводил потомков англосаксов...)

Собрание приняло сторону Морли и его соратников – братьев Чарльза и Джона Олкоков. Кэмпбелл и его сторонники с высоко поднятой головой покинули таверну, громко хлопнув входной дверью, и, чтобы не оставаться в долгу, через восемь лет создали Регбийный Футбольный Союз.

Обратите внимание: ровно через 40 лет здесь же, в Лондоне, на втором съезде российской социал-демократической рабочей партии, произойдет еще один знаменитый раскол: опять в ходе жарких дебатов парни не смогут договориться и разделятся на большевиков (*последователей Ульянова-Ленина*) и меньшевиков.

Видимо, в Лондоне хорошо раскалываться. И зимой и летом. Климат располагает, местность.

Наконец – 8 декабря 1863 года – в старой прокуренной гостинице на свет появляются две важнейшие составляющие футбольного Рождества: свод основных футбольных правил и английская Футбольная Ассоциация, чьим секретарем, а позже и президентом (*вторым – после Артура Пембера*) становится апостол Морли.

Ну а правила – в количестве 13 согласованных пунктов – были изданы в типографии на Сеймур-стрит в виде буклета и продавались всем желающим за один шиллинг и шесть

пенсов.

Унификация, о необходимости которой все время говорили игроки в мяч ногами – свершилась. Да будет футбол! Пошел отсчет футбольной эры.

На Трафальгарской площади, кроме колонны в честь лорда Нельсона, разгромившего на море манерных французов и беспокойных испанцев, должна обязательно стоять колонна в честь человека, отправившего футбол в счастливое плавание. Если для двух колонн места на центральной столичной площади не найдется, их можно менять по графику. По четным дням – водружать колонну в честь Горацио Нельсона, по нечетным – в честь Эбенезера Кобба Морли. Смену колонн можно сопровождать раскатистым выстрелом пушки и красивым проходом караула в красных мундирах и черных шапках из меха бедного медведя гризли...

Вполне возможно, что все неприятности Англии – ну хотя бы с членством в ЕС – смешно ведь: то Англия входит в ЕС, то выходит – ну прямо как лопнувший шарик в горшочек, подаренный Винни-Пухом ослику Иа-Иа, – все неприятности от того, что в столице нет рукотворного памятника тому, кто дал старт английской игре, захватившей весь мир.

Апостол Морли умер в один год с Владимиром Ульяновым-Лениным. Пережив всех апостолов, Морли уходил с корабля последним, как и полагается первому. Как и у Ленина, у Морли детей не было.

Его детищем стал футбол.

1.3 Апостол Чарльз Олкок

Первый офсайд, а поначалу он определялся не двумя игроками между нападающим и линией ворот (*включая вратаря*), как сейчас, а тремя – был зафиксирован в марте третьего года футбольной эры (1866) на Чарльзе Олкоке, игравшем в центре нападения команды «Уондерерс», – первого футбольного гранда.

Чарльз Олкок вместе со своим братом Джоном, собственно, этот клуб и организовали – за четыре года до Рождества, когда Джону было 18, а Чарльзу – 16. Удивительно, – не в социальных сетях парни сидели, не в модном ночном клубе отжигали, а направляли молодую, бьющую через край энергию в позитивное русло! Поначалу свое детище братья называли «Форест». Популяризируя новую игру, «лесники» громили всех, кто пробовал меряться с ними мастерством – так, в 1862 году братья с одноклубниками проводят девять матчей – и все выигрывают, забив 30 мячей, львиная доля которых на счету Чарльза, или, как его звали друзья, – Чарли. Затем клуб покидает родные пенаты, где они и так по три раза у всех уже выиграли, и начинает скитаться по стране, взяв соответствующее романтическое название – «Скитальцы», что по-британски звучало как «Уондерерс». Впрочем, как только новое имя окончательно закрепилось за клубом, они тут же перестали скитаться, устроившись на знамени-

том лондонском крикетном стадионе «Кеннингтон Овал». В одной команде играли тогда сразу два будущих футбольных апостола – Чарльз Олкок и Артур Киннэрд – так что не стоит удивляться, что из семи первых розыгрышей Кубка «Уондерерс» выиграл пять. Но всему свое время, и время всякой вещи под небом, – и клуб, лидировавший в английской игре в первое десятилетие после Рождества, не выдержал конкуренции со стороны новых футбольных команд, возникавших, как грибы после традиционных английских дождей, завершив свою деятельность в 1884 году.

А деятельность апостола Чарльза Олкока только начиналась, поражая своей разносторонностью: Чарли был не только отличным футболистом, но и крикетистом, а также талантливым журналистом и на удивление креативным менеджером.

Откуда у человека такая энергия и целеустремленность? Да так учили.

Чарльз Олкок получил образование в частной лондонской школе Хэрроу – где учился Джордж Байрон и будет учиться Уинстон Черчилль. А потом, разумеется, Кембридж, где он познакомился с Артуром Киннэрдом, первым лордом футбола (*даже ради этого стоило туда поступать*).

А что касается разносторонности – то все футбольные апостолы были потрясающими универсалами: апостол Морли был отличным гребцом и создал не только Футбольную Ассоциацию, но и Ассоциацию гребли на байдарках и каноэ

в своем городе Барнсе, а уж апостол Киннэрд... Но – о нем позже, вернемся к Чарльзу Олкоку.

В 21 год Чарльз активно участвует в первом Вселенском Футбольном Соборе, организованном Эбенезером Морли в таверне «Вольные каменщики», через семь лет редактирует и издает первый в истории футбольный журнал (*он ведь учился именно на журналиста*), а в 1870 году, в возрасте 27 лет, становится секретарем Футбольной Ассоциации. Все мы сегодня должны быть признательны тем, кто тогда, в 1868 году, не посмотрел свысока на несолидный возраст претендента (*впрочем, в этом возрасте Михаил Лермонтов уже покинул наш мир, так и не увидев ни одного футбольного матча*) и проголосовал за его избрание: руководителем эти добрые прозорливые люди выбрали выдающегося реформатора игры в мяч ногами.

В восьмом году от Рождества футбола (1871) Чарльз Олкок совершил главный подвиг своей жизни: придумал и организовал первый в истории футбольный турнир по унифицированным правилам – Кубок Футбольной Ассоциации.

Именно за изобретение кубковой системы соревнований (*холерики называют ее «олимпийской», сангвиники – «плей-офф», флегматики – «игрой на выбывание», а меланхолики – «внезапной смертью»*) Чарльз Олкок и считается теперь «отцом современного спорта».

Первый розыгрыш, в котором участвовали 12 команд, преимущественно лондонских, – продолжался пять месяцев.

А 16 марта 1872 года две тысячи болельщиков, купив билеты по одному шиллингу, пришли на столичный «Кеннингтон Овал», где в финальном матче «Уондерерс» под предводительством капитана – Чарльза Олкока – победил «Ройал Энджинирс» и получил переходящий Кубок – серебряную чашу стоимостью в двадцать фунтов.

В те времена футбол еще не стал повальной эпидемией: в том же году финал банального крикетного турнира посетило 50 000 зрителей.

В следующем, 1872 году, неугомонный Чарльз Оллок вместе со своим приятелем по Кембриджскому университету, третьим футбольным апостолом Артуром Киннэрдом, организует и судит первый официальный международный матч по правилам Футбольной Ассоциации – между Англией и Шотландией, закончившийся нулевой ничьей в присутствии 4000 зрителей. Вывести с капитанской повязкой сборную Англии на поле Олкоку помешала травма, полученная накануне матча...

Номинально, этот матч не был первым международным – ранее состоялись пять матчей, не получивших статус официальных из-за того, что за соперников англичан играли лишь шотландцы, проживавшие в Лондоне. Но в историю мирового футбола эти поединки вошли как «Международные матчи Олкока». Двадцатисемилетний Оллок был полон идей, которые он умело доводил до практической реализации. На посту секретаря Футбольной Ассоциации он отработывает 25 лет, в

течение которых становится инициатором нового принципа отбора игроков в национальную команду: каждый кандидат в сборную должен был пройти определенный тест, а окончательное решение принимал отборочный комитет, создание которого – также заслуга Олкока, частенько этот комитет и возглавлявшего. Правда, когда число кандидатов в сборную начало доходить до сотни, то данная система отбора показала не самой оптимальной. Тем не менее международный отборочный комитет, созданный в 1887 году, просуществовал аж до пришествия сэра Альфа Рамсея, выигравшего со сборной Англии чемпионат мира 1966 года.

А в 1873 году, за 93 года до победы в Кубке мира, англичане со второй попытки выиграли у шотландцев – в Лондоне на «Кеннингтон Овал» – и стали первой сборной на нашей планете, победившей в международных матчах. Правда, в XIX веке шотландцы играли гораздо сильнее англичан: у них 14 побед против 6 поражений при 6 ничьих, но об этом позже. Главное сейчас – то, что в одном из этих матчей, в 1875 году, сборную Англии выводил на поле капитан команды, второй футбольный апостол Чарльз Олкок. Олкок дебютирует и забивает гол за сборную Англии в возрасте 32 лет – это рекорд. Он включен в Книгу рекордов Гиннесса как старейший игрок международного уровня в истории футбола, ведь родился Чарльз в далеком 1842-м, когда Роберт Майер впервые установил существование механического эквивалента теплоты, открыв тем самым закон сохранения энергии.

Апостол Оллок же энергию не хранил, а исключительно расходовал.

В 1882 году Футбольная Ассоциация официально запрещает клубам финансово поощрять своих игроков и назначает Олкока председателем комиссии по проверке подобных фактов. Но вместо предложений по ужесточению наказаний Чарльз Оллок заявляет, что удерживать появление профессионального футбола невозможно – так же, как невозможно запретить северо-западный ветер, – и предлагает легализовать профессионализм. В июле 1885-го, через полтора года после доклада Олкока, профессиональный футбол был легализован.

Мало Чарльзу работы – так в 1895 году он еще избирается казначеем Футбольной Ассоциации (*правда, казначействовал он скучно: ничего не украл, не распилил, не растратил*), а затем и ее вице-президентом.

И при такой глобальной занятости (*а он по-прежнему занимается спортивной журналистикой, публикуя статьи о футбольной тактике, лоббируя игру в нас, впервые описав «комбинационный стиль в футболе»*) Чарльз Оллок умудряется профессионально и весьма успешно заниматься крикетом! С 18 лет он считается одним из лучших английских крикетистов, с 1872 года работает по совместительству секретарем крикетного клуба графства Суррей, 28 лет редактирует популярный крикетный ежегодник, а в 1880 году орга-

низует первый международный матч по крикету: англичане принимали на своем поле сборную Австралии...

Человек никогда не укладывается в свою биографию. Его пытаются вместить в какой-то текст, пусть даже подробный, а он не помещается в нем – как тесто, вылезая со всех сторон из-под крышки. Он гораздо больше событий, частью которых являлся. И чем больше человек, тем больше он своей биографии.

Таким – вылезающим, как тесто, из своей биографии – и был харизматичный футболист, талантливый журналист, суперкреативный менеджер-организатор, неформальный функционер и отличный крикетист, отец современного спорта – апостол Чарльз Уильям Оллок.

1.4 Футбол учится быть

Что же представлял собой футбол того времени?

Игроки-энтузиасты – а командам строго запрещалось выплачивать деньги футболистам – выходили после тяжелой работы (*представьте – многие парни работали на шахтах, где неплохо платили – ведь уголь был нужен для промышленного подъема, а промышленный подъем – чтобы утереть нос французам и разным прочим немцам*) на неровный, грязный газон и играли в полном соответствии с покрытием – грязно, от души пиная друг друга ногами несмотря на запреты. Кровь, пот и грязь были символами первых футбольных

десятилетий!

Заменять травмированных было не принято – замены разрешат только после того, как в космос слетает Юрий Гагарин. И задолго до появления Павки Корчагина парни на поле работали по тому же принципу: смены не будет. Когда в одиннадцатом году футбольной эры (1874) – а именно тогда Ливай Страусс выбросил на рынок свои голубые джинсы с медными заклепками – Сэму Уиддоусону из клуба «Ноттингем Форест» в очередной раз повредили голень, – ну не могли удержаться англичане, чтобы не ударить соперника по ногам хотя бы разок за матч, зато уж как следует, – он стал поддевать под гетры специальные прямоугольные куски толстой кожи – так были изобретены защитные щитки. Щитки были высокие, надевались поверх носков и доходили чуть ли не до шорт – правда, и шорты у английских футболистов были на заглаженье – длинные, на ремне, с карманами.

Перекадин в воротах в течение первых 20 лет от футбольного Рождества не было: по правилам между верхними концами штанг – то есть двух столбов, более или менее прочно вбитых в землю – достаточно было натянуть ленту. В отсутствие ленты годилась и веревка, собственно, что угодно годилось, лишь бы линия обозначилась. Ну а если учесть то, что и сетки на воротах не было – с неба как манна она не падала, хотя многие ждали, – то на поле постоянно разгорались долгие и жаркие споры по поводу того, залетел ли мяч в ворота со стороны игрового поля или нечестно закатился

из-за лицевой линии, которая, кстати, тоже четко очерчена не была: поле обозначалось флажками, линии контура еще только предстояло придумать и начертить.

Споры разрешали сами игроки: судья считался человеком со стороны, подозрительным во всех отношениях, и на святая святых – футбольное поле – ступать не мог. Посторонним вход запрещен, – только для действующих лиц. Футболисты обращались к судьям, стоявшим у бровки или сидевшим на трибуне, только когда им окончательно надоедало спорить (*подробнее об этом – в рассказе об апостоле Мариндине*).

Однажды, а шел уже 1890 год, – после особенно затянувшейся полемики на «Гудисон Парке», парализовавшей матч, болельщика «Эвертона» Джона Броди, скучавшего на трибуне, осенило – а взрыву его мозга способствовал и тот факт, что гол в ворота «Эвертона» в результате дебатов все-таки был засчитан, хотя Джон видел абсолютно точно, что мяч залетел из-за поля. Будучи владельцем ливерпульской фирмы по производству рыболовных сетей, Джон понял, что если уж сетями можно ловить рыбу, а иные даже ловят и человек, то вполне можно поймать и футбольный мяч! Так была придумана сетка «карманного типа» для футбольных ворот, которая стала неотъемлемой частью многих видов спорта.

Что же касается непосредственных действий игроков на поле, то поначалу они напоминали скорее нынешний дворовый футбол – и в немалой степени за счет неоптимальной трактовки офсайда и прав вратаря.

Правило офсайда было перенесено из регби: если в момент паса футболист находился впереди мяча, он считался в положении «вне игры». Таким образом, проход вперед совершался либо за счет индивидуальных действий, либо «вее-ром» – о комбинациях речи пока быть не могло. Правда, уже через три года после Рождества игрок стал считаться «вне игры», если в момент паса он находился ближе трех игроков соперника к воротам, включая вратаря, – но, к сожалению, правило действовало по всему полю. И лишь за семь лет до Первой мировой войны офсайд стал фиксироваться только на половине обороняющейся стороны.

Что же касается вратаря, то он мог в принципе играть руками в любой точке поля – поскольку в правилах была написана расплывчатая фраза «если это необходимо для защиты ворот». Доказать необходимость, а уж тем более осознанную – дело нехитрое. И носил вратарь форму того же цвета, что и остальные футболисты команды – так что распознать его можно было только по кепке, при этом наличие кепки не было обязательным условием. В общем, хотите определить вратаря – следите, кто активнее других играет руками.

Получалась в итоге следующая картина: взрослые боро-датые дяди в рубашках и шортах (*бриджах*) всей гурьбой устремлялись на мяч – уж очень каждому хотелось обвести соперника и забить гол. В пас играли крайне редко – от отча-яния и безысходности, – а получив мяч, бежали сломя голо-

ву к чужим воротам, оставляя в защите одного «провинившегося» игрока. Если виноватых в команде не было, в обороне дежурили по графику, минут по пять.

Вот и носились по полю две веселые толпы футболистов – от одних ворот до других.

Но время шло, футбол вырослел, мужал и превращался в качественное спортивное шоу – не в последнюю очередь за счет уникальных личностей, которые меняли представление общества об этом виде спорта. А представление было весьма неоднозначным. Члены высшего общества тогда не закупали VIP-ложи, где можно вкусно поесть, выпить вина и поговорить о делах, посмотрев временами на футбольное поле – такой опции еще просто не существовало, – и поэтому леди и господа считали игру в мяч ногами уделом необразованного, грязного, потного пролетариата, которому нечего терять кроме свободного времени.

И на небосклоне молодого грязного футбола засверкали удивительные звезды, одной из которых несомненно был лорд Артур Киннэрд – выпускник Итона и Кембриджа, наверное самый удивительный и колоритный футболист XIX века.

1.5. Апостол Киннэрд

Девять раз принимал участие в финалах Кубка Англии – рекорд, установленный в XIX веке, держится уже третье сто-

ление.

Пять раз выигрывал Кубок (*с двумя командами*) – этот рекорд продержался 120 лет и был побит Эшли Коулом, которому просто повезло с клубами, куда его забросила судьбина: то были прекрасные времена «Арсенала» и «Челси».

Тридцать три года был президентом Футбольной Ассоциации – еще один рекорд.

В 1911 году его наградили Кубком Англии за заслуги перед футболом – заметьте: Кубок вручен не команде-победителю, а лично-персонально одному футболисту, Артуру Киннэрду! Через 94 года этот Кубок был продан на аукционе за 500 тысяч фунтов президенту «Вест Хэма» Дэвиду Голду.

Еще его называли лордом футбола, поскольку в 24-м году футбольной эры (1887) он получил наследственный дворянский титул Британии. Лордов Киннэрдов было тринадцать за всю историю титула – и это на удивление мало, учитывая, что первый Киннэрд стал лордом в 1682 году, а тринадцатый, последний – умер в 1997 году: наследников по мужской линии больше не осталось – мировые войны прошлого века сделали свое гнусное дело.

Итак, мы говорим о великом футболисте-любителе, вели-

колепном менеджере, универсальном спортсмене и фантастическом человеке – Артуре Киннэрде, одиннадцатом лорде Киннэрде, самом колоритном футболисте XIX века, первой настоящей суперзвезде игры в мяч ногами.

Киннэрд учился в Итоне – частной школе, которую в 1440 году успел создать Генрих VI перед тем, как попасть под каблук Маргариты Анжуйской и впасть в безумие. В Итоне из мальчиков делают влиятельных людей, в частности в последнее время удалось сделать 19 премьер-министров. Один из секретов местной системы обучения в том, что до 1984 года в Итонской школе практиковалась порка по пятницам – что самым благотворным образом сказывалось на карьере будущих государственных деятелей. Кроме политиков, в Итоне учились Олдос Хаксли и, раз уж упомянут 1984 год, – Джордж Оруэлл.

По окончании частной школы Артура Киннэрда ждал Кембридж, – Тринити-колледж, созданный через сто лет после Итона Генрихом VIII, который, напротив, – жен подминал под свой каблук, а двух так вообще ликвидировал посредством публичной казни в порыве недовольства (*об этом позже*). В этом учебном заведении имеют обыкновение учиться наследные принцы, но не обходят колледж стороной и нормальные люди. Таким образом, принц Генри, принц Чарльз, Исаак Ньютон, лорд Байрон и Владимир На-

боков посещали ту же институтскую столовую, что и первый лорд футбола.

Редкий нынешний футболист долетит до высшего образования и сможет похвастаться дипломом – не покупным, а подлинным, который предполагает реальные знания и эрудицию в случае временного отключения поисковых систем Интернета. С другой стороны, зачем человеку учиться, если его зарплата в двести раз (*это мягкий подсчет*) больше зарплаты университетского профессора?

Но мы отвлеклись, неожиданно оказавшись в нашем скучном времени. Срочно назад, – во вторую половину XIX века, чтобы проследить уникальный жизненный путь апостола Киннэрда, человека с высшим элитным образованием, который непосредственно присутствовал при рождении футбола, практически принимая роды игры в мяч ногами, а также – активнейшим образом участвовал в создании английской Футбольной Ассоциации и первых шагах ее работы – в 21 (*двадцать один*) год став членом комитета Ассоциации, в 30 лет – ее казначеем, а в 43 года – ее президентом (*сменив на этом посту апостола Мариндина*);

– организовывал вместе с Чарльзом Олкоком первый в истории международный матч – между Англией и Шотландией в ноябре 1872 года;

– основал клуб выпускников Итонского университета – «Олд Итонианс», с которым четыре раза выходил в финал Кубка Англии и два раза выиграл его...

Не человек, а еще одна динамо-машина! А может, вообще эти британские универсалы – прорабы футбольного строительства – были инопланетянами, заброшенными на Землю с целью запустить в человеческую среду вирус футбола? У них же в сутках не 24 часа, а гораздо больше – они умеют останавливать время и запускать его вновь по свистку...

Киннэрд носил модные среди тогдашних футболистов бороду и усы – конечно же, рыжие, ведь предки его были шотландцами, а в Шотландии каждый тринадцатый – рыжий (*то есть сборная Шотландии может выставить состав из одиннадцати игроков без единого рыжего игрока, и это будет статистически обоснованно*). На поле будущий лорд футбола выходил в высоких бутсах, светлой рубашке и белых бриджах с карманами. В карманы ведь можно положить какую-нибудь нужную вещь, например блокнот для заметок – мало ли что в голову придет во время матча, а не запишешь – забудется. Представляете сегодня на поле игрока в рубашке и бриджах с карманами?

Впрочем футболистов с колоритной внешностью сегодня

даже более чем достаточно. Но есть ли хоть один универсал? А вот люди, создававшие игру, футбольные апостолы, уровнем своей универсальности напоминали великих деятелей эпохи Возрождения.

Леонардо – родившийся рядом с городком Винчи, – был изобретателем (*пулемет, танк, акваланг, парашют, дельтаплан, автомобиль, вертолет*), художником, архитектором, скульптором, поэтом, анатомом, естествоиспытателем, музыкантом и инженером.

Артур Киннэрд – родившийся в Лондоне через четыре века после Леонардо – успешно выступал за сборную Кембриджского университета по теннису, выигрывал представительные турниры по плаванию и легкой атлетике, в 1867 году победил в гонках на каноэ во время Всемирной Парижской выставки, а отметив свой 50-летний юбилей, продолжал участвовать в представительных турнирах по крикету.

А также – был:

– президентом английского филиала «Юношеской христианской организации» ИМКА (*ее членами и меценатами в России были Скрябин, Рахманинов, Стравинский и Бунин – не последние, согласитесь, люди*);

– президентом английского филиала международной христианской организации женщин; верховным комиссаром от

британской короны по делам шотландской церкви и членом палаты лордов британского Парламента, заменив там в 1887 году своего умершего отца;

– в 23 года Артур Киннэрд стал директором небольшого банка Ransom, Bouverie & Co, а затем, после слияния многочисленных финансовых учреждений, президентом Barclays Bank (*это название вы должны были слышать и даже видеть*).

«Гвозди бы делать из этих людей» – это в том числе про него писал Владимир Владимирович, про Киннэрда – перепробовавшего все футбольные амплуа:

– в качестве нападающего он забил гол в ворота «Оксфорда» в финальном кубковом матче 1873 года, – тогда Артур Киннэрд играл за «Уондерерс» и был признан лучшим игроком встречи;

– в финале 1877 года, уже в составе «Олд Итонианс», стоял в воротах и стал автором первого в истории решающих кубковых сражений автогола. Решение арбитра засчитать этот гол неожиданно привело Киннэрда в неописуемое бешенство (*лучше не описывать*) – он меняется позициями с одним из полевых игроков, чисто по-чапаевски идет в атаку и забивает ответный гол, а затем приводит «Олд Итонианс» к победе в дополнительное время. Другой бы на этом успо-

коился. Но только не Киннэрд. Уже потом, будучи руководителем Футбольной Ассоциации, первый лорд футбола задним числом провел решение об отмене того самого автогола, который не давал ему покоя ни днем ни ночью (*конечно же Киннэрд использовал служебное положение в личных целях – но как приятно это считается из будущего, какие это симпатичные личные цели!*)... Лишь в 1980 году Футбольная Ассоциация постановила считать решение арбитра, засчитавшего автогол Киннэрда 103 года назад, – правильным;

– несмотря на то, что позиция защитника считалась в те дни позорной – в оборону отправляли за серьезную провинность на поле или вне его: опоздал, выпил лишнюю пинту эля, сказал неладное о королеве Виктории (*своего рода штрафбат, гауптвахта и карцер*), – лорд Киннэрд с удовольствием играл в защите и был одним из самых жестких и непродоходимых игроков обороны своего времени. Высокий, мощный, резкий атлет – вступать с ним в единоборство было уделом отважных, ведь все в Англии знали, что перед игрой он вдохновлял партнеров не самой нежной фразой: «Пленных не брать».

– Когда-нибудь он придет домой со сломанной ногой! – вздыхала жена Киннэрда (*по другим данным, вздыхавшая была его матерью*).

– Даже если и так, мадам, – уверяли ее друзья Артура, – это точно будет не его нога.

Ну а знаменитым фирменным жестом Киннэрда была стойка на руках перед центральной трибуной стадиона после забитого гола. Эти сегодняшние скольжения по газону, задиранья футболок и самбы с румбами – все это бледно и мелко. Стойка на руках – вот, что смотрится гордо!

Как бы там ни было, именно Киннэрд стал первым в истории футбола исполнять акробатические фигуры после результативных ударов.

А теперь о еще более удивительном факте из жизни первого лорда футбола. Знаете, чем занималась в свободное время суперзвезда английского футбола XIX века? Давайте попробуем угадать.

Тусовки в модных ночных клубах?

Вкуснейшая еда в престижном многозвездочном ресторане?

Просмотры новинок в лучших автосалонах?

Морские прогулки с модными актрисами – шикарными и уступчивыми?

Не догадаетесь.

В свободное время Артур Киннэрд занимался обучением бедных и бездомных детей. В грязных, неухоженных приютах.

Может, Артур Киннэрд и вправду был инопланетянином?

По крайней мере он был футболистом-любителем, а это значит, что, кроме трех-четырёх матчей и нескольких тренировок в неделю, лорд футбола должен был к девяти утра пять-шесть раз в неделю приходить в банк и вкалывать там в поте лица до пяти вечера. А потом надо было быть лучшим на поле, ведь свой номер он нигде не отбывал, везде отрабатывал. И вы еще не забыли, что в свободное время, которое у него непонятно откуда бралось, лорд шел в приюты для бедных – обучать тамошних детей?

По окончании футбольной карьеры Артур Киннэрд, кроме работы в качестве президента Футбольной Ассоциации Англии, был, как вы помните – директором (*или президентом*) банка Barclays, – именно тогда образовался нынешний генеральный спонсор английской Премьер-Лиги.

Директоры банков, понятное дело, зарабатывают немало, и вряд ли первый лорд футбола был в этом отношении исключением. На что же гражданин Киннэрд тратил свои высо-

кие трудовые доходы? Мы, любящие считать средства в чужом кармане, привыкли к тому, что наличие больших денег предполагает покупку многоэтажных особняков и гостиниц, роскошных яхт, на которых должны находиться не менее роскошные модели или, на худой конец, влиятельные политики, а также пары-тройки комфортабельных самолетов, взмывающих по первому капризу высоко в облака, и целого парка дорогих автомобилей, способных вызывать нескрываемую зависть у прохожих, соседей и конкурентов. А как иначе? Схема «бери от жизни все», возникшая еще в результате Большого Взрыва, должна работать безотказно и круглосуточно...

Но на этот раз схема дала сбой. Киннэрд не скупал элитную недвижимость, крупные алмазы и престижные автомобили. И персонального дирижабля у него не было. Большую часть своего состояния этот феноменальный Человек пожертвовал в конце жизни школе для бедных...

Жизнь не брала Артура Киннэрда под крыло. Напротив – ставила под удар: на полях Первой мировой войны погибли двое его сыновей.

Остался у Киннэрда только футбол.

Умер первый лорд футбола в 1923 году – чуть раньше апо-

стола Морли и буквально накануне открытия в Лондоне стадиона «Уэмбли»...

В последнее время мы пытаемся зафиксировать с помощью мощнейших радиолокаторов и расшифровать с помощью быстродействующих компьютеров послания с других планет и цивилизаций, как будто в этих посланиях может быть что-то такое, что кардинально изменит нашу жизнь. Что хромые сразу же начнут говорить, а слепые – ходить...

А что, если таким посланием является жизнь Артура Киннэрда?

1.6. Апостол Мариндин

В первое время после футбольного Рождества считалось, что футболисты сами способны регулировать игру, «разруливать» спорные моменты: джентльмен джентльмену – друг, товарищ и брат, а друзья не могут не договориться. Не нужен же нам полицейский на каждом шагу в повседневной жизни! Представьте, если бы в наших семьях на круглосуточном дежурстве пребывал представитель закона, сообщающий нам, какую статью административно-уголовного кодекса мы только что нарушили!..

И потом, сказано же в Писании – «не судите». Вот и решила английская Футбольная Ассоциация поначалу обойтись

без судей. Судьба рассудит. Дух справедливости (*где ж ему еще витать, как не над новой британской игрой?*).

Через 20 лет к этой же мысли приходит Лев Толстой: судьи не имеют права судить. Все мы братья, – считал Лев Николаевич, – а братья не должны судить друг друга. Судит только Отец, который, разбираясь – кто прав, а кто виноват – скажет: «Мне отмщение, аз воздам» и покажет соответствующую карточку.

Кстати, сегодня на нашей планете существует вполне себе толстовский вид спорта, в котором роль судей исполняют сами игроки. Он называется «алтимат» – командная игра летающим диском (*«фрисби»*). Считается, что ни один игрок «не будет умышленно нарушать правила, поскольку в основе алтимата лежит Дух игры, который накладывает ответственность за честное поведение на каждого игрока». И прямо в своде правил прописываются этические нормы: игроки должны быть порядочными, правдивыми и объективными, объяснять свою точку зрения коротко и ясно, позволяя говорить оппоненту и общаясь уважительно...

Красота. Футбол попытался пойти по этому пути, но не получилось: цель – спортивная и коммерческая – стала слишком рьяно оправдывать средства. А может, все потому, что этот самый алтимат – неконтактный вид спорта и, в отсутствии контакта, гораздо проще быть честным и общаться уважительно?

Как бы там ни было, игра в мяч ногами оказалась перена-

сыщена спорными моментами. Конфликтные ситуации возникали буквально на каждой минуте – что ни эпизод, то разногласие и упрямое перетягивание истины на свою сторону. В обычной жизни, скажем, семейной, даже несговорчивые супруги со скверными характерами вряд ли смогут за 90 минут с 15-минутным кофе-брейком нарушить правила столько раз, сколько это делают футболисты в течение матча...

Жесткость противостояния и накал страстей на поле возрастали с каждым годом, и вскоре стало ясно, как день, что игроки совершенно не способны самостоятельно договариваться по многочисленным спорным моментам, к тому же в результате подобных дебатов матч не на шутку затягивался, сгущались британские сумерки и игра напрочь теряла остроту и динамику. По-хорошему, требовался наряд полицейских, которые бы обслуживали возникающие во время игры конфликты, исходя из свода принятых правил. И с одиннадцатого года футбольной эры (1874) на каждый матч стали приглашать двоих судей – по одному от каждой команды (*что было зафиксировано в правилах Футбольной Ассоциации*). Поскольку судьи часто принимали ровно противоположные решения (*позволю себе догадаться: каждый – в пользу той команды, которая его пригласила*), понадобился третий – третейский арбитр. Судьи носили обычную уличную одежду и внешне ничем не отличались от болельщиков, им было запрещено по собственной инициативе вмешиваться в ход событий на футбольном поле (*поначалу третейско-*

го арбитра вообще сажали на трибуну), и решение они принимали только тогда, когда к ним обращались игроки, не сумевшие до этого договориться между собой.

Но даже при двоих судьях и одном третейском арбитраже перетягивание истины продолжилось, игра временами превращалась в футбольный дискуссионный клуб, что негативно отражалось на зрительском интересе. Представьте: сначала игроки пытаются договориться между собой, в случае провала – обращаются к двум арбитрам на бровках, а если те двое в ходе двусторонних переговоров принимают противоположные решения, с трибуны вызывается третейский судья, – не пройдет и полгода как матч будет продолжен.

Нет, на поле нужен был полицейский-диктатор, жестко контролирующий ход матча и оперативно выносящий вердикты.

Попробовали – понравилось.

Первый арбитр на поле судил при помощи носового платка, размахивая им, чтобы привлечь внимание футболистов. Более приметным был бы в данном случае оренбургский пуховый платок, но от Лондона до Оренбурга 3718 километров, и это по прямой. Затем арбитры стали звонить в школьный звонок-колокольчик. Пробовали кричать во весь голос, глаза округлять: зовет меня взглядом и криком своим...

Мучения судей продолжались до 1878 года, когда наконец-то догадались дать главному арбитру свисток (*хорошо, что не дали ружье*) – в самом деле, какой же полицейский

без свистка?

Но мало дать диктатору свисток, надо предоставить реальные полномочия, и в 1891 году Футбольная Ассоциация постановила, что главный арбитр – единственный человек, принимающий решения на поле. Отныне судья, непосредственно находившийся на поле, мог назначать штрафные и пенальти по своему усмотрению, а также удалять игроков с поля.

Впрочем, по-прежнему каждая команда, участвовавшая в матче, могла выделить своего судью в помощь главному арбитру. Помощникам отвели персональный полицейский участок – вдоль соответствующей бровки. Их стали называть «лайнсменами», дали в руки по флажку – чтобы в случае нарушения они активно ими размахивали, как матросы-сигнальщики на палубе корабля, заодно согреваясь в условиях прохладного и влажного британского климата.

Но вот ведь незадача: и лайнсмены, и главные арбитры были членами английских футбольных клубов. Учредителями, руководителями, техническими работниками или просто на подхвате по совместительству. И принятые такими судьями решения часто наводили на мысль, что судят они субъективно, исходя из интересов своих клубов.

Как сказал бы Карл Маркс, который умер в Лондоне через пять лет после того, как у судьи появился свисток – состоять в клубе и быть свободным от клубных интересов нельзя.

И постепенно арбитрами и лайнсменами становятся лица,

не связанные с той или иной командой. Футбольная Ассоциация всячески способствует этому и с 1898 года начинает назначать на самые важные игры независимых арбитров. А через 10 лет судьи создают свою профессиональную ассоциацию – Союз футбольных арбитров, – где тщательно следят за собственной независимостью.

Ну а первым авторитетным главным судьей на поле, апостолом среди арбитров, стал Фрэнсис Мариндин.

Как и лорд Киннэрд, Фрэнсис закончил Итон – элитный колледж, основанный Генрихом VI. Только Генрих VI воевать не любил; однажды, во время тяжелого сражения с Йорками – будучи урожденным Ланкастером – он, устав махать мечом за правое дело, незаметно залез на дерево и сидел там, любуясь закатом, пока его не нашли сражавшиеся, которые вынуждены были прекратить бойню и заняться поисками пропавшего с поля боя монарха. А Фрэнсис Мариндин напротив – прошел курс обучения в Королевской военной академии и активно участвовал в Крымской войне, случившейся за 9 лет до Рождества футбола – в той самой войне, в течение которой впервые появились фотохроника и официальный прогноз погоды, Николай Пирогов изобрел гипсовую повязку, а Лев Николаевич Толстой напечатал свои «Севастопольские рассказы».

И конечно же, Мариндин любил играть в футбол, впрочем, футбол (*который любил, когда в него играет Мариндин*) – это ведь та же война, только по правилам и без жертв.

В 1869 году, а к тому времени Фрэнсис был уже майором Королевских инженерных войск, под его непосредственным руководством создается футбольный клуб с соответствующим королевско-инженерным названием – «Ройал Энджинирс». Мариндин выступает в нем сначала на позиции голкипера, затем – на правом фланге обороны, через три года – становится капитаном команды и доводит ее до финала Кубка Футбольной Ассоциации.

«Ройал Энджинирс» первыми в английском футболе пробуют играть в пас, что вполне объяснимо: если уж капитан закончил Итон, то в игре команды точно будут комбинации. Слово «комбинация», не будем забывать, первым употребил апостол Олкок в своей статье о перспективах развития футбола.

В 1874 году королевские инженеры снова выходят в финал, где опять упускают победу, но в следующем сезоне команда Мариндина наконец-то завоевывает Кубок, правда самому капитану пришлось в эти дни отсутствовать из-за срочной заграничной командировки. Можно с уверенностью сказать, что «Ройал Энджинирс» был лидером английского футбола в начале семидесятых годов XIX века, после того, как со сцены сошел «Уондерерс»: в пяти из первых восьми розыгрышей Кубка Англии «Энджинирс» выходил в финал. А из 86 игр между 1871 и 1875 годами команда проиграла всего три матча!

Завершив игровую карьеру, Фрэнсис Мариндин выходит

на поле уже со свистком и становится ведущим футбольным арбитром Британии. По большому счету, Мариндин был вообще первым футбольным арбитром в нынешнем понимании этого слова. Строгим, точным, авторитетным, в нужное время тоталитарным, хорошо удерживающим нити игры. Именно ему предоставляется право судить восемь финалов Кубка Англии с 1883 по 1890 год – редчайший случай в истории спорта! Плюс – переигровку финала 1886 года, когда впервые в истории центральный матч решили провести вне Лондона, и на удивительное зрелище в городе Дерби пришли посмотреть 12 тысяч зрителей. Кроме того, в течение двадцати шести лет, с 1874 года, Фрэнсис занимал пост президента Футбольной Ассоциации. Это стопроцентный апостол футбола.

Он мог бы быть неплохим предсказателем. Перед финальным кубковым матчем 1888 года к нему подошел Уильям Саделл со своими парнями из «Престона». Футболисты и их тренер были настолько уверены в предстоящей победе над «Вест Бромвичем» – а в том сезоне «Престон» громил всех на своем пути, не оставляя камня на камне, – что внаглую попросили разрешения у Майора, а именно так все звали Мариндина – даже когда он стал полковником, – сделать командное фото с трофеем до начала встречи, пока игроки еще не запачкали свою форму. Фрэнсис внимательно и хмуро посмотрел на высокомерных парней из «Престона» (*Майор вообще не любил команды, в которых было много шотландцев*

и мало англичан) и многозначительно произнес: «Вы для начала победите, а потом уже будете думать о фотографиях». «Престон» неожиданно для всех проиграл 1 – 2.

В конце XIX века апостол Фрэнсис Мариндин получает должность инспектора Департамента путей сообщения и, путешествуя по стране, занимается подготовкой закона о безопасности железнодорожных сообщений (*что было весьма актуально: известный русский революционер Сергей Кравчинский, сумевший избежать смертной казни в Италии, убивший в Санкт-Петербурге шефа жандармов и ловко сбежавший из России, погибает в 1895 году в английской столице – просто попав по невнимательности под поезд*). Заехав в Лондон, Фрэнсис помогает модернизировать систему электроосвещения главного мегаполиса Англии, то есть, отделяет свет от тьмы, точно так же, как ранее на футбольном поле он отделял действия по правилам от нарушений.

В 1897 году, за три года до смерти, Фрэнсиса Мариндина производят в рыцари. Можно утверждать, что он первый из выходивших на футбольное поле стал сэром, правда – за заслуги в деле государственного устройства. Следующий футболист, ставший сэром – Джон Чарльз Клегг, – принимавший участие в первом международном матче Шотландия – Англия в 1872 году, – том самом, который готовили апостолы Олкок и Киннэрд, – получит рыцарство через 30 лет и также – за рвение и усердие вне зеленого газона. Первый же, кто станет рыцарем непосредственно за игру в мяч ногами,

будет великий вингер Стэнли Мэтьюз.

Апостол Мариндин покидает эту грешную, странную и эмоциональную землю на рубеже веков, за десять лет до Льва Николаевича Толстого и за девять месяцев до королевы Виктории, которая успела возвести его в рыцари.

Впрочем, он ведь всегда был рыцарем – тем, кто мог рас судить – строго, но справедливо, кому истина всегда была дороже.

1.7. Футбольная лихорадка

Но вернемся в XIX век. В течение первых 20 лет после Рождества рулят, забирая десять кубков подряд, клубы из Лондона и его окрестностей. А потом столичных как отрезало от успеха – на авансцену театра футбольных действий выходят регионы: красавцы из Блэкберна – шесть кубков за девять розыгрышей, а также ребята из Бирмингема, Уэст-Бромиджа и Престона. Ширится география игры в мяч ногами, футбол триумфально идет по стране, точнее – едет, благодаря активному строительству в Англии железных дорог: проезд в поездах стоит недорого, так почему бы не поехать и посмотреть новую игру? И именно с этого момента посещаемость кубковых финалов начинает превышать 10 тысяч человек. Ходить на стадион становится сначала любопытно, потом модно, а затем и престижно.

Победам «Астон Виллы» и «Блэкберн Роверс» свидетель-

ствуют 15 тысяч, а триумфом «Престона» восхищаются уже 22 тысячи зрителей. За 8 лет – с 1883 по 1891 год – посещаемость финалов увеличилась с 8 до 23 тысяч. Страна осваивает футбольную целину, в массовом порядке заражаясь футбольной лихорадкой.

Одной из причин увеличения посещаемости стали... женщины, которые в конце XIX века допускались на стадион бесплатно (*в целях облагораживания поведения мужчин-болельщиков*). Когда впервые через 22 года после Рождества об этой привилегии объявила администрация «Престона», на стадион пришли более двух тысяч представительниц прекрасного пола. Кровь, пот и грязь на газоне не были им помехой. Романтическая натура женщин искала героев и находила их среди игравших в мяч ногами.

Но где же герои играли в мяч? В Шервудском лесу – там, где заросли гуще, и каждый, если не камень, то дуб знал Робина Гуда? Или в Гайд-парке, где трудящиеся митинговали за отмену закона, который запрещал продавать и покупать по воскресеньям? Нет, на заре туманной юности в футбол играли на крикетных стадионах и полях для регби, благо они уже существовали и подходили по размерам.

Первый финальный матч на Кубок Футбольной Ассоциации провели в столице королевства на стадионе «Кеннингтон Овал» – самом престижном сооружении для игры в крикет на острове, построенном за 18 лет до футбольного Рождества (1845). Место центровое, ухоженное – всем понрави-

лось, и в течение последующих 20 лет английские команды будут именно там разыгрывать почетный и желанный Кубок. И лишь через 30 лет после Рождества финальный кубковый матч впервые состоится за 300 километров от столицы в индустриально-промышленном Манчестере на легкоатлетическом стадионе «Фэллоуфилд», велодроме по совместительству.

Ну а в следующем году финал Кубка переедет по первой в мире междугородной железной дороге с двумя путями, паровыми машинами, сигнализацией и строгим расписанием – из Манчестера, конечно же, в Ливерпуль, ведь именно там впервые специально для футбола построили стадион с трибунами по трем сторонам. Одним из тех, кто от имени и по поручению английской Футбольной Ассоциации открывал «Гудисон Парк», вмещавший около 40 тысяч человек, – был первый лорд футбола, апостол Киннэрд.

Достаточно постранствовав, футбольный праздник вновь возвращается в столицу: вплоть до Первой мировой войны финалы Кубка будут проходить на новом лондонском стадионе «Кристал Пэлас». Стадион был гуттаперчевый, безразмерный, казалось, он мог вместить любое количество зрителей, желавших посмотреть, как играют в мяч ногами. Первый финальный матч на нем соберет 42 тысячи человек, а первый финал XX века...

Первый год XX века был примечателен не только сменой кумиров – умирает великий Джузеппе Верди, зато рождает-

ся блестящий Луи Армстронг, – но и тем, что впервые на стадионе собирается более 100 тысяч зрителей. Финал Кубка Футбольной Ассоциации – когда лондонский «Тоттенхэм Хотспур» сыграл вничью с «Шеффилд Юнайтед» (*победив затем в переигровке*), смотрели более 110 тысяч болельщиков. Это нынешнее население таких городов, как Кембридж, Блэкберн, Эссентуки или Димитровград, включая стариков, депутатов и грудных младенцев. В тесноте, конечно, не в обиде, но как все они там разместились – известно одному Богу.

С самим кубком связана одна любопытная детективная история: за 5 лет до конца XIX века «Астон Вилла» увозит выигранный кубок в свой родной Бирмингем, где местный торговец умудряется упросить руководителей клуба выставить трофей в витрине своего магазина. Через несколько дней кубок исчезает. Позор, тоска, о жалкий жребий Футбольной Ассоциации! Серебряную чашу разыскивают лучшие сыщики Скотленд-Ярда, – ищут пожарные, ищет полиция, ищут фотографы... объявляется крупное вознаграждение за информацию о краже, – но все тщетно. Не могут найти. Пропажу оплакивает вся Англия. В течение 16 лет футбольные власти терпеливо ждут, надеются на чудо, на удачу, на раскаяние... но ничего подобного не происходит – пришлось изготовить новый серебряный кубок.

1957 год, полицейский участок в Бирмингеме. В дверь стучится 80-летний местный житель.

– Это я! – заявляет старец прямо с порога.

– Выпейте воды, – говорят ему удивленные полицейские.

Старец отвел воду рукой и тихо, с расстановками, но внятно проговорил:

– Это я с компанией сообщников 62 года назад выкрал с витрины драгоценный Кубок, посягнув на величайшую английскую святыню! Это я остался теперь единственным живым участником «преступления века» и не хочу унести тайну на тот свет. Серебряную чашу мы давно переплавили на слитки. А теперь делайте со мной, что хотите...

Полицейские раскрыли рты. Со всех сторон сбежались...

Впрочем, за давностью срока и древностью лет, да еще и с учетом чистосердечного признания – похитителя помиловали.

Но вернемся к стадионам. 1892 год вошел в историю не только премьерой балета «Щелкунчик» в Санкт-Петербурге, но и появлением на футбольной карте Британии сразу трех знаменитых стадионов, построенных специально для игры в мяч ногами: наряду с ливерпульским «Гудисон Парком», в Глазго открывает турникеты «Селтик Парк», а в Ньюкасле – «Сент-Джеймс Парк». Стадионы строятся – как орешки щелкаются. Через пять лет в Бирмингеме появился новый дом «Астон Виллы» – «Вилла Парк», а еще через два года в Шеффилде открылся «Хиллсборо», печально знаменитый из-за трагедии с ливерпульскими болельщиками.

Ко всей этой истории – гигантской футбольной стройке века – хочется поставить один нескромный вопрос: кто и как финансировал футбольное Преображение?

Откуда деньги, Зин?

Падали ли они с неба вместо манны специальным целевым потоком? Ведь изначально игра в футбол замышлялась как чисто любительское занятие, – Футбольная Ассоциация для тех, кто мало ли подзабыл, – даже выпустила в 1882 году специальный грозный циркуляр, в котором черным по белому говорилось, что игрок, получающий от клуба вознаграждение, превышающее его личные расходы, связанные с выходом на игру, автоматически отстраняется от любых соревнований под эгидой Ассоциации, а клуб, нанявший такого игрока, автоматически исключается из ее рядов.

Отвечая на этот вопрос, мы подходим к двум судьбоносным событиям в истории футбола, которые изменили вектор развития новой игры, черным по черному перечеркнув грозный циркуляр Футбольной Ассоциации.

События эти связаны с именами апостолов Саделла и Макгрегора.

1.8. Апостол Саделл

Уильям Саделл родился ровно в середине XIX века в городе Престон, где живут гордые ланкаширцы, они же целеустремленные ланкастеры. Учиться будущий футбольный апостол поехал чуть южнее, чтобы согреться, – в графство Чешир (*где, как известно, до ушей улыбаются коты*), а потом вернулся работать к милому северу на место рождения. Парень был толковый, по карьерной лестнице взбирался стремительно и вскоре занял место исполнительного директора текстильной фабрики.

В те давние годы футбол был страшно далек от бизнеса и строился на добровольных пожертвованиях граждан: задолго до ДОСААФ (*Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту*), образовавшегося в СССР в 1927 году, в Англии появились добровольные общества содействия игре в мяч ногами – футбольные клубы.

Саделл был неплохим спортсменом (*регби, футбол, крикет, коньки*), но и не более того. Мало ли в Бразилии Педров, а в Англии неплохих футболистов – имя им легион! Но Саделлу хотелось большего – быть одним из многих он не умел. Трезво оценив свой потенциал, Уильям (*он же Билли*) понял, что талант его находится в ином пространстве – не в самой игре, а в ее организации. Сначала он потренировался на кошках (*недаром же обучался в Чеширском графстве*),

организовав два фестиваля легкой атлетики. Причем если на первом фестивале присутствовало пять тысяч зрителей, то на второй пришло уже восемь. И Саделла – вслед за Архимедом и Ньютоном – озарило (*по другим данным – осенило*): во-первых, в спорте необходим эффективный менеджмент, а во-вторых, именно он, Уильям Саделл, и должен этим заниматься. Людям нужно особое зрелище – динамичное, увлекательное, захватывающее с головой и с потрохами. И тогда они будут заполнять стадионы не раз в год, а несколько раз в месяц.

Саделл становится управляющим крикетного клуба «Престон», где открывает футбольную секцию. Открывает на свой страх и риск, поскольку в городе традиционно любили регби и крикет, но Уильям чувствовал, что будущее не за этими видами спорта, а за игрой в круглый мяч ногами. Именно эта игра может стать настоящей религией, безумной страстью и неизлечимой болезнью англичан. И он не ошибся. Англичане потянулись к футболу, – регби и крикет с сожалением и завистью уступали дорогу новой национальной игре...

Известно, что все тела притягиваются друг к другу вне зависимости от расы и вероисповедания. Одним из тел, так уж вышло, является наша Земля, обладающая значительной, по сравнению с каждым из нас, массой, за счет чего она и придает нам, хотим мы этого или нет, ускорение свободного падения. На англичан же стала действовать дополнительная си-

ла – сила притяжения к стадионам. Данная сила, еще до конца не изведенная физиками, точно так же придает английским болельщикам реальное, осязаемое ускорение, – в день футбольного матча британец забывает обо всем на свете и торопится на стадион, ускоряясь из всех возможных собственных сил.

Раз уж речь зашла о физике – попробуем разобраться с гравитацией внутри клубов в новой игре. Кто отбирал, тренировал, расставлял, определял и мотивировал? Было ли ядро притяжения и отталкивания в виде глубокоуважаемого главного тренера или действовала мать порядка, анархия? Не то и не другое: в те давние-давние годы командами руководили советы клубов – они набирали футболистов и определяли состав на игру. Понятия «тренер» или «менеджер» отсутствовали как класс. Был секретарь клуба, который выполнял, скорее, технические функции.

Но в «Престоне» был Саделл. Апостол Саделл – который не вписывался ни в какие рамки и определения. 17 лет он отработал президентом клуба, управляя в жесткой манере, близкой к диктаторской. Обязательные ежегодные акционерные собрания просто не проводились. Говорили, что «Престоном» управляет совет директоров из трех человек, при этом двое спят, а третий – Саделл.

Удивительно, но факт: именно в это время – через 24 года после Рождества футбола (1887) – во Франции открывается первый режиссерский театр Андре Антуана, который стал

не разыгрывать, а ставить пьесы и первым выключил свет в зрительном зале, урезав этим права аудитории. На сцене и на стадионе возникает стиль, то есть – режиссерская (*тренерская*) мысль. Все сильнее ощущается потребность в тренерах-режиссерах. И зверь побежал на ловца.

Саделл добивается полного контроля над клубом. Финансы, селекция, состав и план на игру – все сам, все на нем. Он первым из руководителей начинает путешествовать со своим клубом на выездные игры и вполне заслуженно получает прозвище «папа команды».

«Папа» хлопочет, ратует и заботится о каждом футболисте, к каждому прислушивается, поощряя инициативу масс. Вместе с игроками они даже придумали тайную систему сигналов во время матчей – неудивительно, что его команды были отлично организованы, футболисты дорожили мячом и стремились играть в пас. Впрочем, игру в пас – в шотландской манере – можно было объяснить и количеством шотландцев, игравших за команду. В некоторых матчах в составе «Престона» играл один-единственный англичанин – капитан команды, Фред Дьюхерст. Фред был еще и единственным любителем среди поначалу тайных, а затем и явных профессионалов: он работал преподавателем в престонской католической школе (*следующим знаменитым учителем-футболистом будет Эвелин (Ивлин) Линтотт, о нем позже*).

«Папу» Саделла нетрудно сравнить с «дедушкой» Лениным. Владимир Ильич, который в обозначенном 1887 году

оканчивает симбирскую гимназию с золотой медалью, как известно, всегда проверял: сыты ли товарищи по партии, в добром ли они здравии и не мокрые ли простыни постелили им в гостинице во время проведения партийной конференции. Ну а Саделл – все пытался уговорить своих подопечных, правда не слишком успешно, отказаться от алкоголя и перейти к правильному питанию – ведь у футболистов появились свободные деньги, что тут же стало приводить к буйным банкетам с битьем посуды, вокзальных и гостиничных окон и тех, кто мешал народным героям весело справлять удачные выступления. Неудивительно, что Саделл теперь частенько появляется и в полиции – вытаскивая «детей» из камер предварительного заключения, – и в суде, защищая и отмазывая своих футболистов. Причем «своими» для него были все, кто выступал в футболке «Престона», вне зависимости от национальности и цвета кожи – как и Ленин, Саделл был интернационалистом. Одним из первых в истории он приглашает в команду темнокожего игрока: Артур Уортон (*о нем позже*) был голкипером «Престона» и дошел до полуфинала Кубка все того же 1887 года.

Но начиналась тренерская карьера Саделла совсем не радужно. В гости к «Престону» приехал «Блэкберн Роверс», в рядах которого уже играл первый футболист, нелегально получавший деньги за выход на поле, – шотландец Ферги Сутер. Гости не оставили от хозяев бутсы на бутсе: 16 – 0. Не лучшее начало для карьеры великого менеджера, но Саделл

ла учиненный разгром лишь еще больше раззадорил. Билли отправляется на север Британии – там среди пампасов бежали блистательные шотландские игроки в мяч ногами – и в 1883 году уговаривает капитана команды «Харт оф Мидлотиан» покинуть Эдинбург и работать кровельщиком в Престоне, выступая вечерами за одноименный, возглавляемый Саделлом клуб. Парня звали Ник Росс, и за каждый выход на футбольное поле Саделл пообещал ему платить «черным налом», поскольку официально получать деньги футболисты на тот момент еще не могли.

Итак, путь проложен: Билли подыскивал летучим шотландцам высокооплачиваемую работу в Престоне – в том числе и на подведомственных ему фабриках, и вдобавок щедро расплачивался с каждым за проявленное футбольное мастерство. Как тут шотландцам не полюбить Престон? Они с радостью переезжали в этот город играть за команду Саделла.

«Престон» начинает громить конкурентов, но те, вспомнив о средневековой практике доносов на ведьм, пишут в Футбольную Ассоциацию жалобы на команду Саделла – уж слишком много развелось там профессионалов и черного нал. Саделла вызывают на ковер. Судьба его висит на волоске: все показания, в том числе официальные заявления из Глазго и Эдинбурга, – против него. Саделлу предоставляют слово.

– В чем сила, брат? – спрашивал в этот момент Билли сам

у себя. И сам себе отвечал: «В правде!» И со всей большевистской откровенностью, находясь на заседании Комитета английской футбольной безопасности, Саделл говорит: «... Да, я действительно плачу игрокам!.. (*Тут члены Комитета со словами «Нам ваша искренность мила...» – попадали со своих кресел...*) Но я должен так поступать, поскольку сегодня это является общепринятой практикой, и если бы я этого не делал, «Престон» был бы в абсолютно невыгодном положении...» Поймав ораторскую волну, Саделл решает пойти уже на откровенную дерзость – Уильяма несло – и говорит свои знаменитые слова:

«Джентльмены, в «Престоне» все – профессионалы, но если вы откажетесь легализовать это, они навсегда останутся любителями. А поскольку все мы будем исключительно любителями, то вы не сможете нас контролировать...»

Когда члены комитета пришли в себя, они конечно дисквалифицировали «Престон» и команда вылетела из розыгрыша Кубка, но правда Саделла произвела неизгладимое впечатление на Футбольную Ассоциацию и прежде всего на Чарльза Олкока, лорда Киннэрда и майора Мариндина.

Саделл, продолжая кампанию за установление профессионализма в футболе, держит революционный шаг – ведь не дремала неугомонная Футбольная Ассоциация, которая как огня боялась профессионального спорта. Следующий ход Саделла: в октябре 1884 года он проводит в Блэкберне собрание 19 клубов, преимущественно ланкаширских, опира-

ясь прежде всего на «Астон Виллу» и «Сандерленд». Собрание приняло резолюцию: если профессиональный футбол не будет официально признан и зарегистрирован, клубы, подписавшие резолюцию, выйдут из ныне действующей Футбольной Ассоциации и сформируют новую конкурентную «Британскую Футбольную Ассоциацию». На втором собрании – в Манчестере – присутствовали уже представители 31 футбольного клуба. Ширился размах противостояния, усиливалась угроза раскола, – власть над британским футболом ускользала из некогда цепких рук Футбольной Ассоциации. Чиновники занервничали и, куда деваться, оперативно сформировали законодательную комиссию, включив в нее правдолюбца Саделла. И вскоре – в июле 1885 года – на втором Вселенском Футбольном Соборе (*а заседала Футбольная Ассоциация в лондонском отеле «Андертонс» на Флит-стрит*) Чарльз Олкок представляет новый проект закона, который принимается большинством голосов.

Профессиональный футбол легализован. Саделл становится знаменитой публичной фигурой английского общества. Ему аплодируют. Его носят на руках.

Добившись победы на законодательном поприще, Билли переходит к тренерскому новаторству. Как вы помните, главных тренеров еще не было в природе, совет клуба определял состав на игру, тактика была отдана на откуп капитанов команд и игроков, которые в пылу физических единоборств далеко не всегда про нее вспоминали. Саделл первым стал про-

водить теоретические занятия и придумывать позиционные схемы – расчерчивая мелом на доске или расставляя шахматные фигуры, соответствовавшие игрокам, на бильярдном столе. Это сразу же сказалось на игре «Престона». Она стала осмысленной, в ней появился стиль.

Саделл всерьез занялся предметчевой подготовкой, в которую входило и посещение футболистами «Престона» игр будущего соперника. Билли даже ввел в штат команды сапожника, который ездил вместе с командой, чтобы приводить бутсы футболистов в соответствие с погодными условиями и покрытием стадионов.

Команда стала выигрывать. Само по себе это нормально: в играх всегда кто-то проигрывает, а кто-то выигрывает, на то они и игры. Но впервые журналисты соединили успех команды с работой ее руководителя, тренера и режиссера. Пресса пишет не только о победе «Престона», но и о «великой победе» Саделла, то есть деятельность команды идентифицируется с деятельностью главного менеджера-тренера-режиссера. Впервые в истории возникает выражение «команда Саделла».

В 1887 году произошло еще одно знаменательное событие: «Престон» был выбран из всех английских команд для участия в юбилейном матче с «Коринтиан» в честь 50-летия правления королевы Виктории. Саделл вывел своих футболистов на поле (*игра проходила на лондонском «Овале»*), а затем сел на трибуне рядом с принцем Уэльским, будущим

королем Эдуардом VII. Во время игры без 14 лет монарх повернулся к Саделлу и удивленно произнес: «Послушайте, Саделл, тот парень кажется ударил по мячу головой!.. Разве так можно? Головой по мячу?» Да, гражданин Британии, по мнению наследного принца, не должен был так легкомысленно распоряжаться головой. Это негосударственный подход к своему черепно-мозговому отсеку...

Сидел рядом с будущим королем – и сам стал королем. Это было время Саделла – пришло оно, большое, как глоток! Помните, делая первые шаги, «Престон» проиграл 0 – 16? А теперь в первом раунде розыгрыша Кубка Футбольной Ассоциации сезона 1887–1888, команда Саделла отвела душу, победив «Хайд» 26 – 0.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.